

От хлыста до Христа

Константин Азадовский.
«Жизнь
Николая Клюева».
Издательство журнала
«Звезда». С.-Пб. 2002

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Очень трудно говорить о литераторе мученике, страстотерпце и... мужеложце. Он никем не канонизирован, но прочно вошел в литературную молву. Соправитель Есенина, в прямом и переносном смысле этого слова, страстно ревновал поэта и к Райх, и к Бенн-славской, называя ее «насадкой» Есенина. Еще более страстно он ревновал поэта к его другу Мариенгофу и в конечном итоге добился разрыва.

Поэт Евгений Винокуров показывал мне до сих пор не опубликованные строки из письма Клюева к Есенину со словами «целую в попку». Все это отнюдь не красит Клюева, тем более что, оторвав Есенина от Мариенгофа, Клюев опустил его на самое дно, и с этого дна Есенин уже не всплыл.

Клюевский типаж отнюдь не выдумка и не прихотливая стилизация. Он узнаваем вполне в том же Гришке Распутине с его неистовой slashавой религиозностью, которая спаяна с неистовым сладострастием. Правда, Распутин не страдал мужеложеством, а Клюев весь был этим пронизан. Многие видели в нем только поэтического обманщика и притворщика. Ближе к истине был Винокуров, сказавший мне, что Клюев прежде всего был хлыст, а надо прежде всего быть поэтом. Но что значит «надо»? Клюев — хлыст по призванию, а потому и стихи его настолько хлыстовские, что уже не стихи вовсе, а богослужебные тексты хлыстовской незримой церкви. Суть хлыстовства лучше всего выражена в народной мудрости: «Не согрешишь — не покаешься. Не покаешься — не спасешься». Вот почему русский народ с такой легкостью прощает и любит кающихся людоедов типа Ивана Грозного или разбойников — от Ваньки Каина до



Клюев читает стихи. Фото 1928—1929 гг.

Стеньки Разина и Пугачева. Клюев искренне писал, что естество в большевистских ленинских декретах ярый оклик Аввакума. Его истовая религиозность не мешает ему вступить в партию большевиков, из которой его вскоре, конечно же, с треском, выгнали.

Клюев пророчески предвещает, что Россия вскоре сольется в революционном порыве с Африкой и Монголией. Его ненависть к Америке и Европе густо замешана на дремучем антисемитизме. Из КПСС его бы с такими взглядами не выгнали, но до КПСС он не дожид. Расстреляли в незабываемом 1937-м, поматав лет десять по ссылкам.

Как Григорий Распутин, Клюев любил дорогие комнаты в дорогих ресторанах, где гулял в лаптях и алой рубахе. Был обласкан царским двором и придворными дамами, но разочаровал их полным отсутствием мужского интереса. Был бы Клюев здоров, его карьера перекрыла бы своим блеском и Распутину, и Есенина, но в те времена нетрадиционная ориентация по-

могла разве что гениальному балеруну Нижинскому. Придворные дамы не простили Клюеву голубизну, как Троцкий не простил ему антисемитизма, а Сталин — религиозности. Поэтический приговор Есенина был таким неумолимым:

А Клюев псковский наш дьячок. // Его стихи, как носогрейка. // Но я их вслух вчера прочел. // И в клетке сдохла канарейка.

И все же Клюев натура не менее цельная, чем огнесловец протопоп Аввакум. Говоря словами Льва Гумилева, он был пассионарным сгустком космической энергии. Эта энергия воплотилась не столько в слове, сколько в мученической судьбе. Стихи, написанные парализованным пятидесятилетним стариком в год расстрела, говорят о том, что сломить Клюева советской власти не удалось.

Есть две страны: одна — Больница, // Другая — Кладбище, меж них // Печальных сосен вереница, // Угрюмых пихт и верб седых! // К ним нет возвратного проселка, // Там мрак, изгнание, Нарым. // Не бойся савана и волка, — // За ними с лютней серафим!

Сегодня многие идеи Клюева спародированы его последователями — российскими антисемитами, атлантофобами, имперскими евразийцами и показными религиозниками. Всех этих соблазнов Россия в XX веке не избежала. Расстреляв Клюева, Сталин в конечном итоге выбрал клюевский путь. По этому фарватеру евразийская империя и пришла к своей неизбежной гибели в августе 1991 года, его же память ныне и совершаем. «Хлещу, хлещу, Христа ищущу», — напевали хлысты, доводя себя до экстаза самобичеванием. Клюева бичевала жестокая боготворимая власть так, что не надо было себя подхлестывать. Странная ситуация. Насквозь хлыстовская власть, еще не осознав своего хлыстовства, зверски убила своего поэта. Но когда Сталин произнес: «Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои», — в нем воскрес расстрелянный Клюев.